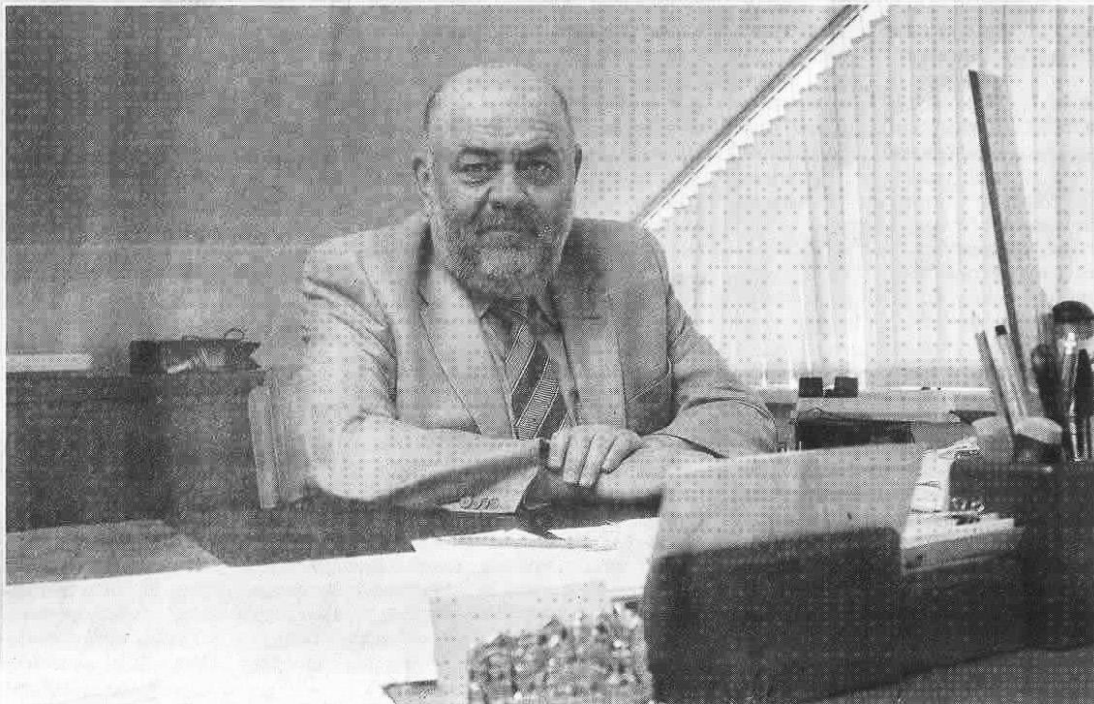

Российский Еврейский Конгресс — планы и перспективы

В постсоветские времена на территории бывшей коммунистической державы возникли организации, носящие гордое название «еврейский конгресс». Броская вывеска означает, что учредители и руководители «конгресса» — люди преуспевающие, не бедные, готовые самостоятельно руководить еврейской жизнью своего региона.

Кто они? Олигархи, герои светских хроник, отделенные от простых сограждан сверкающей завесой «гламур»? Или обычные люди, глубоко укорененные в среде простых евреев? Интервью, которое взял наш корреспондент Илья Йосеф, рисует неожиданный портрет главы Российского Еврейского конгресса — одного из тех, кого в старинные времена уважительно называли «парнас» — кормилец. Кормилец не в силу заработанного им капитала, а в силу воспитания, семейной традиции и почтения к долгу благотворительности.

С Юрием Исааковичем Каннером, новым президентом РЕК, мы встречались в последний день его пребывания в Израиле. Наше интервью мы провели в холде тель-авивской гостиницы. Его супруга сидела рядом, и по их излучающим умиротворение лицам было видно, что визит прошел очень удачно. Прежде чем давать интервью, Каннер попросил Илью рассказать о себе. А потом наступила очередь Юрия Исааковича....

МОИ КОРНИ

— Мне бы хотелось побольше узнать о Ваших корнях...

— Я родился в маленьком местечке на Украине, Каменном Броде. До войны в нем жило около полутора тысяч евреев. У нас сохранился патриархальный уклад: вся семья жила вместе — бабушка, дедушка, сестра моего дедушки, которая была замужем за их дядей, и мои родители — папа и мама. Работали только родители, потому что все остальные были уже очень пожилыми людьми.

Дома мы соблюдали кашрут, насколько это было возможно в те времена. Мы держали раздельную посуду — мясную и молочную. Хлеб пекли сами, когда удавалось достать муку, а на субботу старались испечь халы. Мужчины умели резать птицу, для этого у нас был специальный нож. Меня тоже этому научили, когда мне исполнилось тринадцать лет. Нож для шхиты лежал отдельно, ничего не касаясь. Мы проверяли его на ногте и на бумаге. В местечке был специальный человек, который резал крупный скот.

— Я тогда не понимал смысла этих заповедей. Почему надо отрезать и выбрасывать мясо? Взрослые не вдавались в подробности: «Это не твоё дело, так надо».

— То есть, у Вас были общие представления о евреистве, но теории не было?

— Я не знал, что мои знания — это какие-то там «представления». Я просто не знал другого. Когда я приехал в город и увидел, как люди мажут хлеб маслом, а сверху кладут колбасу, то испытал ужасный шок. Или, например, капуста. Я видел, как бабушка отламывает один листик, другой, третий, четвертый... До тех пор, пока не будет подряд три чистых листочка. Муку просеивали. Крупу перебирали. Но ничего не кромсали, и зелень не вымачивали сутками. И меня сегодня тяжело перечислить то, что я видел в детстве, для меня является кошерным.

У нас была своя корова. В субботу мы ее не доили. Приходили соседи-неевреи, доили корову и забирали молоко. В воскресенье дед ходил доить их корову и забирал себе соседское молоко.

Пока мы жили все вместе, родители соблюдали кашрут, но когда они отделились от бабушки и дедушки, кашрута не стало.

— Я слышал, что у Вас вообще очень серьезные хасидские корни?

— Это я узнал, когда стал взрослым. Моя бабушка — Мирл Каннер-Тверски — была дочкой последнего макаровяжского ребе. Последние два поколения — рабби Моше Мордехай и рабби Хирш-Лейб — жили в Бердичеве и похоронены, как и мой дед Хаим Каннер, на Бердичевском кладбище рядом со склепом раби Леви-Ицхака из Бердичева.

Мы все относимся к Чернобыльской ветви хасидизма. Я бываю у Чернобыльского адмора ребе Шан Тверского в Боро-парке, в Нью-Йорке. И бываю у Сквирского ребе. Но к Чернобыльским мы ближе всего. Потому что моя бабушка, к тому же, была двоюродной сестрой Чернобыльских адморов из-за того, что заключались браки между родственниками.

Со Сквирским ребе мы родня по линии Тверских, а с его женой — по Каннерам. Мой прадед Давид Каннер, был раввином (не ребе!) в Чернобыле. Его в 1919-м году утопили в Припяти во время погрома.

Мой отец Исаак Каннер, он восстановил склеп, разрушенный во время второй мировой войны. То, что я потомок многих хасидских родов, налагает серьезные обязательства, но дает и некоторые права. Меня это поддерживает в тяжелые минуты.

ПОЛНАЯ СУМКА КОСТЕЙ

— А как Вы пришли к общественной еврейской деятельности?

— Очень просто. Я думал об этом годами, но не знал, как подступиться. Когда мне было шесть лет, мой прадед ушел за хлебом с кирзовой сумкой и долго не возвращался. Он вернулся с полной сумкой... человеческих костей. У нас был каменный карьер, где нацисты расстреляли евреев, в том числе, его дочку с семьей. И в этот день карьер начали взрывать, чтобы добывать камень. Полетели кости. Деду сказали об этом, когда он шел за хлебом. Вместо магазина он побежал к взорванной могиле. Там было уже много евреев, все они собирали кости. Каждый принес останки убитых домой. Жители местечка устроили целый митинг против работ в карьере. И власти запретили взрывать в этом месте. Поставили памятник с надписью «В память погибших советских граждан».

Еще у нас в местечке жила польская семья Шпакевичей. Они всю войну спасали, прятали своих соседей-евреев. Дед их очень уважал и ходил к ним узнавать о судьбе дочери. Мне, шестилетнему, о Катастрофе не рассказывали, и я не понимал, за что убили мою тетю. У меня только осталась в памяти вот эта кошелка с костями. Она мне не давала жить спокойно.

Потом мой хороший товарищ, Вячеслав Владимирович Кантор, стал проводить международные мемориальные мероприятия в память жертв Холокоста. В Освенциме он это сделал в 2005 году. Я обратил его внимание на то, что кроме этого надо поставить памятники евреям, которые лежат в ямах на окраинах сел — где сто человек, где пятьсот, а где-то десятки тысяч. Я не знал тогда, насколько это сложно. Их всех нужно было упокоить должным образом. Это значит, что нужно провести исследование с использованием современной техники, определить границы захоронения и число жертв. Только после этого место может быть ограждено в соответствии с еврейской традицией, поставлен памятный знак. И все это следует передать под охрану местной власти — горсовета, сельсовета и т.п. Также следует найти как можно больше имен людей, которые здесь погибли, и сообщить их родственникам, знакомым. Вот этим я и начал заниматься. Потихоньку все сдвинулось с мертвой точки. Кантор подключил к этому делу израильский музей Яд ва-Шем. И я стал отвечать за достойное захоронение жертв в том местечке, где родился, в Каменном Броде. Начал просто ставить памятники. Сегодня это уже часть большого проекта, цель которого — вернуть достоинство убитым. Мы хотим собрать деньги и решить эту проблему в рамках всей Восточной Европы. Прежде всего, на Украине. В Белоруссии, Молдове, России, Прибалтике, но также и в Польше, и в Румынии.

С этой миссией я пришел в общественную еврейскую жизнь.

Уже потом я познакомился с нашими раввинами. Это было примерно полтора года назад, когда Аркадий Гайдамак не смог поддержать московскую общину. Я пришел к ним и начал помогать, предложил создать совет попечителей, бизнесменов, которые хотели бы помогать общине. Эти бизнесмены не были олигархами, но зато их было много. С Б-жей помощью нам удалось это предприятие.

Потом мне удалось сдвинуть вопрос о строительстве большого еврейского общинного центра напротив московской синагоги и получить разрешение градостроительного совета правительства Москвы построить этот общинный центр. И вот, видимо, благодаря успешному решению этих вопросов меня и пригласили возглавить Российский Еврейский Конгресс.

Сейчас мы хотим поднять огромный проект по еврейским захоронениям. Вместе с членами Американского еврейского конгресса мы совершим путешествие из Мексики через Америку и Канаду в Европу, потом по Украине и Молдове. Везде мы хотим поднять на новый уровень работу по организации достойных похорон.